

ПУШКИНЪ И ДАЛЬ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора

пришлось Пушкину провести послѣдніе годы своей жизни, послѣ женитьбы. Но въ немъ постоянно горѣлъ яркій пламень творчества и высокой мысли. Отвлекаемый свѣтскими обязанностями, онъ особенно дорожилъ тѣми счастливыми минутами, когда могъ свободно отдаваться художественному или умственному труду, или наконецъ, живой бесѣдѣ съ людьми, способными возвыситься до глубокихъ созерцаній его мысли. Онъ искалъ такихъ людей не только среди старыхъ пріятелей, кругъ которыхъ уже начиналъ рѣдѣть и разсѣиваться, но и между новыми знакомыми, съ которыми сводили его обстоятельства. Къ числу новыхъ лицъ, сблизившихся съ нимъ въ эти годы, принадлежалъ, между прочимъ, Владиміръ Ивановичъ Даль. Далю было въ то время тридцать лѣтъ. Онъ еще не пользовался извѣстностью въ литературномъ мірѣ, но умственный складъ его уже вполне опредѣлился; онъ не искалъ покровительства Пушкина, какъ многіе начинающіе писатели, но радъ былъ найти въ немъ нравственную поддержку тѣмъ занятіямъ, которымъ съ раннихъ лѣтъ посвящалъ свой досугъ, и которыя мало по малу сдѣлались господствующимъ интересомъ его жизни.

Датчанинъ по происхожденію, но русскій по воспитанію, сперва кадетъ Морского корпуса и мичманъ флота, а затѣмъ студентъ Дерптскаго университета и, въ качествѣ военнаго врача, участникъ Турецкой и Польской кампаній, Даль въ своихъ многочисленныхъ странствованіяхъ по разнымъ концамъ Россіи пріобрѣлъ страстную охоту къ наблюденіямъ надъ народнымъ языкомъ и бытомъ. Дѣло

это, еще совершенно новое у насъ въ то время, уже давно занимало Пушкина, который самъ, во время своей невольной деревенской жизни, записывалъ съ устъ народа пѣсни и сказки, прислушивался къ народному говору и даже, къ немалому смущенію своихъ критиковъ, вносилъ въ свои произведенія плоды своихъ наблюденій—живыя черты народнаго языка и быта. Къ сознательному убѣжденію въ пользѣ и необходимости этихъ изученій Пушкинъ пришелъ совершенно самостоятельно и раньше многихъ ученыхъ. То же убѣжденіе, и также не изъ книгъ, а изъ живого опыта, выработалось у Даля, и онъ съ увлеченіемъ отдался занятіямъ народностью. Въ 1830 году онъ напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* небольшую повѣсть «Цыганка», занимательный, просто и тепло написанный рассказъ изъ быта молдаванъ и молдавскихъ цыганъ. По обилію этнографическихъ чертъ повѣсть эта обнаруживала въ авторѣ внимательнаго и тонкаго наблюдателя народныхъ обычаевъ, нравовъ и типовъ, но она прошла въ литературѣ не замѣченной; только самъ издатель *Телеграфа* назвалъ ее «превосходною», отдавая читателямъ отчетъ о своемъ журналѣ за 1830 годъ ¹⁾. Въ 1832 году Даль рѣшилъ сдѣлать первое примѣненіе изъ своего знакомства съ русскою народною рѣчью, издавъ въ Петербургѣ небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Русскія сказки, изъ преданія изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приуроченныя и поговорками ходячими украшенныя казаномъ Луганскимъ. Пятокъ первый». Появленіе этой книжки и подало поводъ къ сближенію Даля съ Пушкинымъ на почвѣ дѣла, которое ихъ обоихъ занимало.

Вскорѣ послѣ изданія «Русскихъ сказокъ» Даль оставилъ Петербургъ, но въ 1833 году, когда Пушкинъ предпринялъ путешествіе въ восточную Россію для осмотра мѣстностей, гдѣ происходилъ Пугачевскій бунтъ, Даль встрѣтился съ поэтомъ въ Оренбургѣ, объѣхалъ съ нимъ окрестности города и провелъ нѣсколько дней въ дружескихъ бесѣдахъ. Наконецъ, предъ самою кончиной Пушкина, Далю

¹⁾ *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. 36, стр. 544. Повѣсть Даля помѣщена въ той же части; впоследствии авторъ перепечатывалъ ее въ сборникахъ своихъ рассказовъ съ нѣкоторыми передѣлками и прибавкой новыхъ этнографическихъ подробностей. Въ изданіи сочиненій Даля, вышедшемъ въ 1861 году, повѣсть эта помѣщена въ III-мъ томѣ.

случилось прїѣхать въ Петербургъ и быть свидѣтелемъ послѣднихъ дней поэта.

Итакъ, сношенія Даля съ Пушкинымъ были непродолжительны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнить его, какъ умѣлъ. Къ сожалѣнію, прочіе друзья Пушкина не сдѣлали того же, и потому, вмѣсто цѣльнаго образа, начертаннаго дружескою рукой, мы имѣемъ о Пушкинѣ только отрывочные разсказы. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, не смотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы. Рукопись своихъ воспоминаній Даль передалъ въ распоряженіе П. В. Анненкова, когда послѣдній сталъ собирать матеріалы для біографіи Пушкина. Но Анненкову не пришлось воспользоваться этимъ источникомъ, и рукопись Даля осталась въ его бумагахъ не изданная ¹⁾. Печатаемъ этотъ разсказъ Даля цѣликомъ, а за нимъ помѣщаемъ нѣсколько замѣчаній и дополненій, къ которымъ онъ подаетъ поводъ.

Воспоминанія о Пушкинѣ.

Крыловъ былъ въ Оренбургѣ младенцемъ; Скобелевъ чуть ли не ставалъ въ немъ на часахъ; у Карамзинныхъ есть въ Оренбургской губерніи родовое помѣстье. Пушкинъ пробылъ въ Оренбургѣ нѣсколько дней въ 1833 году, когда писалъ Пугача, а Жуковский — въ 1837 году, провожая государя цесаревича.

Пушкинъ прибылъ нежданный и нечаянный и остановился въ загородномъ домѣ у военного губернатора В. Ал. Перовскаго, а на другой день перевезъ я его оттуда, ѣздивъ съ нимъ въ историческую Бердинскую станицу, толковалъ, сколько слышалъ и зналъ мѣстность,

¹⁾ Напечатана была только другая записка Даля — о смерти Пушкина. См. *Московскую Медицинскую Газету* 1860 г.

обстоятельства осады Оренбурга Пугачевымъ; указывалъ на Георгиевскую колокольню въ предмѣстїи, куда Пугачъ поднялъ было пушку, чтобы обстрѣливать городъ, на остатки земляныхъ работъ между Орскихъ и Сакмарскихъ воротъ, приписываемыхъ преданїемъ Пугачеву, на Зауральскую рощу, откуда воръ пытался ворваться по льду въ крѣпость, открытую съ этой стороны; говорилъ о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчишъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки, коими Пугачъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ городъ вмѣсто картечи, о такъ-называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ, и о бердинскихъ старухахъ, которыя помнятъ еще «золотыя» палаты Пугача, то-есть, обитую мѣдною латуною избу.

Пушкинъ слушалъ все это—извините, если не умѣю иначе выразиться,—съ большимъ жаромъ и хохоталъ отъ души слѣдующему анекдоту: Пугачъ, ворвавшись въ Берды, гдѣ испуганный народъ собрался въ церкви и на паперти, вошелъ также въ церковь. Народъ разступался въ страхѣ, кланялся, падалъ ницъ. Принявъ важный видъ, Пугачъ прошелъ прямо въ въ алтарь, сѣлъ на церковный престолъ и сказалъ вслухъ: «Какъ я давно не сидѣлъ на престолѣ!» Въ мужицкомъ невѣжествѣ своемъ онъ воображалъ, что престолъ церковный есть царское сѣдалище. Пушкинъ назвалъ его за это свиньей и много хохоталъ...

Мы поѣхали въ Берды, бывшую столицу Пугача, который сидѣлъ тамъ — какъ мы сейчасъ видѣли — на престолѣ. Я взялъ съ собою ружье, и съ нами было еще человѣка два охотниковъ. Пора была рабочая, казаковъ ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видѣла и помнила Пугача. Пушкинъ разговаривалъ съ нею цѣлое утро; ему указали, гдѣ стояла изба, обращенная въ золотой дворецъ, гдѣ разбойникъ казнилъ нѣсколько вѣрныхъ долгу своему сыновъ отечества; указали на гребни, гдѣ, по преданїю, лежитъ огромный кладъ Пугача, зашитый въ рубаху, засыпанный землей и покрытый трупомъ человѣческимъ, чтобы отвести всякое подозрѣнїе и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это—простая могила. Старуха спѣла также нѣсколько пѣсенъ, относившихся къ тому же предмету, и Пушкинъ далъ ей на прощанье червонецъ.

Мы уѣхали въ городъ, но червонецъ надѣлалъ большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на чтѣ было чужому, при-

ѣзжему человѣку спрашивать съ такимъ жаромъ о разбойникѣ и самозванцѣ, съ именемъ котораго было связано въ томъ краю столько страшныхъ воспомнаній; но еще менѣе постигали они, за чтѣ было отдать червонецъ. Дѣло показалось имъ подозрительнымъ: чтобы-де послѣ не отвѣчать за такіе разговоры, чтобы опять не дожить до грѣха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу въ Оренбургъ, привезли и старуху, и роковой червонецъ и донесли: «Вчера-де пріѣзжалъ какой-то чужой господинъ, примѣтами: собой не великъ, волосъ черный, кудрявый, лицомъ смуглый, и подбивалъ подъ «пугачевшину» и дарилъ золотомъ; долженъ быть антихристъ, потому что вмѣсто ногтей на пальцахъ когти» ¹⁾. Пушкинъ много тому смѣялся.

До пріѣзда Пушкина въ Оренбургъ я видѣлся съ нимъ всего только раза два или три; это было именно въ 1832 году, когда я, по окончаніи Турецкаго и Польскаго походовъ, пріѣхалъ въ столицу и напечаталъ первые опыты свои. Пушкинъ, по обыкновенію своему, засѣпалъ меня множествомъ отрывчатыхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, чтѣ, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится, только что съ языка не срывается. «Сказка сказкой», говорилъ онъ, — «а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?.. Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!»

По пути въ Берды Пушкинъ рассказывалъ мнѣ, чѣмъ онъ занятъ теперь, чтѣ еще намѣренъ и надѣется сдѣлать. Онъ усердно убѣждалъ меня написать романъ и — я передаю слова его въ его память, забывая въ это время, къ кому они относятся,—и повторялъ: «Я на вашемъ мѣстѣ сейчасъ бы написалъ романъ, сейчасъ; вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется написать романъ, но нѣтъ, не могу: у меня начато ихъ три,—начну прекрасно, а тамъ недостаетъ терпѣнія, не слажу». Слова эти вполне согласуются съ пылкимъ духомъ поэта и думнымъ творческимъ долготерпѣніемъ художника; эти два рѣдкія качества соединились въ Пушкинѣ, какъ двѣ край-

¹⁾ Пушкинъ носилъ ногти необыкновенной длины: это была причуда его.

ности, два полюса, которые дополняютъ другъ друга и составляютъ одно цѣлое. Онъ носился во снѣ и на яву цѣлые годы съ какимъ-нибудь созданиемъ, и когда оно дозрѣвало въ немъ, являлось передъ духомъ его уже созданнымъ вполне, то изливалось пламеннымъ потокомъ въ слова и рѣчь: металлъ мгновенно стынетъ въ воздухѣ, и созданіе готово. Пушкинъ потомъ воспламенился въ полномъ смыслѣ слова, коснувшись Петра Великаго, и говорилъ, что непременно, кромѣ дѣянія объ немъ, создастъ и художественное въ память его произведеніе: «Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко—надо отодвинуться на два вѣка,—но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться съ предметомъ и постоянно имъ заниматься; время это исправить. Но я сдѣлаю изъ этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сдѣлаю! Вѣдь даромъ что товарищи мои всѣ посѣдѣли да оплѣшивѣли, а я только что перебѣлся; вы не знали меня въ молодости, каковъ я былъ; я не такъ жилъ, какъ жить бы должно; бурный небосклонъ позади меня, какъ оглянусь я...»

Послѣднія слова свѣжо отдаются въ памяти моей, почти въ ухахъ, хотя этому прошло уже семь лѣтъ. Слышавъ много о Пушкинѣ, я никогда и нигдѣ не слыхалъ, какъ онъ думаетъ о себѣ и о молодости своей, оправдываетъ ли себя во всемъ, доволенъ ли собою, или нѣтъ; а теперь услышалъ я это отъ него самого, видѣлъ передъ собою не только поэта, но и человѣка. Переломъ въ жизни нашей, когда мы, проспавъ нѣсколько лѣтъ дѣтми въ личинкѣ, сбрасываемъ съ себя кожуру и выходимъ на свѣтъ вновь родившимся, полнымъ твореніемъ, дѣлаемся изъ дѣтей людьми, — переломъ этотъ не всегда обходится безъ насилій и не всякому становится дешево. Въ человѣкѣ буднишнемъ перемѣна не велика; чѣмъ болѣе необыкновеннаго готовится въ юношѣ, чѣмъ онъ болѣе изъ ряду вонъ, тѣмъ сильнѣе порывы закованной въ желѣзные пути души.

Мнѣ достался отъ вдовы Пушкина дорогой подарокъ: перстень его съ изумрудомъ, который онъ всегда носилъ послѣднее время и называлъ—не знаю почему—талисманомъ; досталась отъ В. А. Жуковскаго послѣдняя одежда Пушкина, послѣ которой одѣли его,

только чтобы положить въ гробъ. Это черный сюртукъ съ небольшою, въ ноготокъ, дырочкою противъ праваго паха. Надъ этимъ можно призадуматься. Сюртукъ этотъ должно бы сбросить и для потомства; не знаю еще, какъ это сдѣлать; въ частныхъ рукахъ онъ легко можетъ затеряться, а у насъ некуда отдать подобную вещь на всегдѣшнее сохраненіе ¹⁾).

Пушкинъ, я думаю, былъ иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суевѣренъ; онъ гваривалъ о примѣтахъ, которыя никогда его не обманывали, и угадывая глубокимъ чувствомъ какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явленіями, въ коихъ, по видимому, нѣтъ ничего общаго, уважалъ тысячелѣтнее преданіе народа, донскивался въ немъ смыслу, будучи убѣжденъ, что смыслъ въ немъ есть и быть долженъ, если не всегда легко его разгадать. Всѣмъ близкимъ къ нему извѣстно странное происшествіе, которое спасло его отъ неминуемой большой бѣды. Пушкинъ жилъ въ 1825 году въ исковской деревнѣ, и ему запрещено было изъ нея выѣзжать. Вдругъ доходятъ до него темные и несвязные слухи о кончинѣ императора, потомъ объ отреченіи отъ престола цесаревича; подобныя событія проникаютъ молніемъ сердца каждаго, и мудро ли, что въ смятеніи и волненіи чувствъ участіе и любопытство деревенскаго жителя неподалеку отъ столицы возросло до неодолимой степени? Пушкинъ хотѣлъ узнать положительно, сколько правды въ носящихся разнородныхъ слухахъ, что дѣлается у насъ и что будетъ; онъ вдругъ рѣшился выѣхать тайно изъ деревни, разчитавъ время такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ поздно вечеромъ и потомъ черезъ сутки же возвратиться. Поѣхали; на самыхъ выѣздахъ была уже не помню какая-то дурная примѣта, замѣченная дядькою, который исполнялъ приказаніе барина своего на этотъ разъ очень неохотно. Отъѣхавъ немного отъ села, Пушкинъ сталъ уже расказывать въ предпріятіи этомъ, но ему совѣстно было отъ него отказаться, казалось малодушнымъ. Вдругъ дядька указываетъ съ отчаяннымъ возгласомъ на зайца, который перебѣжалъ впереди коляски дорогу; Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дядьки, сказавъ, что, кромѣ того, позабылъ что-то нужное дома, и воротился. На другой день

¹⁾ Я подарилъ его М. П. Погодину.

никто уже не говорилъ о поѣздѣ въ Питеръ, и все осталось по старому. А еслибы Пушкинъ не послушался на этотъ разъ зайца, то пріѣхалъ бы въ столицу поздно вечеромъ 13-го декабря и оставился бы у одного изъ товарищей своихъ по лицу, который кончилъ жалкое и бѣдственное поприще свое на другой же день... Прошу сообразить всѣ обстоятельства эти и найти средства и доводы, которые бы могли оправдать Пушкина впоследствии по крайней мѣрѣ отъ слишкомъ естественнаго обвиненія, что онъ пріѣхалъ не безъ цѣли и зналъ о преступныхъ замыслахъ своего товарища.

Пусть бы всякій сносилъ въ складчину все, что знаетъ не только о Пушкинѣ, но и о другихъ замѣчательныхъ мужахъ нашихъ. У насъ все родное теряется въ молвѣ и памяти, и внуки наши должны будутъ искать назиданія въ жизнеописаніяхъ людей не русскихъ, къ своимъ же по неволѣ охладѣютъ, потому что ознакомиться съ ними не могутъ; свои будутъ для нихъ чужими, а чужіе сдѣлаются близкими. Хорошо ли это?

Много алмазныхъ искръ Пушкина рассыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; нныя уже угасли и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто. А. П. Брюлловъ сказалъ мнѣ однажды, говоря о Пушкинѣ: «Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота».

Было уже упомянуто, что поводомъ къ знакомству Пушкина съ Далемъ послужило появленіе въ 1832 году «перваго пятка» «Русскихъ сказокъ» казака Луганскаго. Въ этомъ сборникѣ заключались слѣдующія сказки: 1) «О Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища»; 2) «О Шемякинскомъ судѣ и о воеводствѣ и о прочемъ; была когда-то была, а нынѣ сказка буднишняя»; 3) «О Роговолодѣ и Могучанѣ царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи»; 4) «Новинка-диковника или невиданное чудо, неслыханное диво», и 5) «О похожденияхъ чортотрошника, Сидора Поликарповича, на морѣ и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его и объ

окончательной пристройкѣ его по части письменной». Изданіе этихъ «Сказокъ» произвело нѣкоторое волненіе въ обществѣ и въ литературѣ. Едва вышли онѣ въ свѣтъ, какъ Булгаринъ подалъ на автора доносъ, въ которомъ содержаніе двухъ сказокъ (именно первой и пятой) было безсовѣстно перетолковано; вслѣдствіе того Даль былъ арестованъ, и только ходатайство Жуковскаго и академика Паррота, знавшихъ автора по Дерпту, выручило его изъ бѣды ¹⁾. Книжка была изъята изъ обращенія въ публикѣ; понятно поэтому, что журналы ни словомъ не упомянули о ней, но въ литературныхъ кружкахъ она подала поводъ къ толкамъ. По словамъ самого Даля, за «Сказки» «и похвалили, и побранили писателя, погладили по головѣ и попросили садиться, между тѣмъ какъ другіе просили его ходить и жаловать только на задній дворъ» ²⁾. Это послѣднее мнѣніе принадлежало, разумѣется, литературнымъ старовѣрамъ, которымъ введеніе выраженій простонароднаго языка въ изящную словесность казалось непозволительною ересью. И самому Пушкину не разъ высказывались осужденія въ томъ же смыслѣ. О мнѣніи тѣхъ, кто хвалилъ «Сказки» Даля, мы имѣемъ свидѣтельство—нѣсколько позднѣйшее—И. С. Тургенева. Въ своемъ разборѣ сочиненій Даля, напечатанномъ въ 1846 году, онъ сообщаетъ слѣдующее: «Когда появились первыя розсказы казака Луганскаго, онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства не признанныхъ народныхъ писателей» ³⁾. Пушкинъ, разумѣется, былъ на сторонѣ Даля; по словамъ П. П. Мельникова, онъ былъ въ восхищеніи отъ «Сказокъ» Луганскаго, подъ вліяніемъ ихъ написалъ лучшую свою сказку «О рыбацкѣ и рыбкѣ» и подарилъ ее Далю въ

¹⁾ «Воспоминанія о В. И. Далѣ» П. И. Мельникова—*Русскій Вѣстникъ* 1873 г., № 3, стр. 299. Въ 1861 году «Сказки» Даля были перепечатаны въ собраніи его сочиненій.

²⁾ «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ», статья Даля въ *Москвитянинѣ* 1842 г., кн. II, стр. 549.

³⁾ Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, издано 1891 г., т. X, стр. 365.

рукописи, съ надписью: «Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ» ¹⁾).

Не смотря на успѣхъ «Сказокъ», Даль находилъ, что никто не понималъ цѣли, съ какою онъ издалъ ихъ. Десять лѣтъ спустя по выходѣ ихъ въ свѣтъ онъ объяснялъ эту цѣль слѣдующимъ образомъ ²⁾: «Не сказки по себѣ были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода,—и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ. Еслибы тотъ же самый писатель вздумалъ когда-нибудь издать собраніе русскихъ сказокъ, то конечно, написалъ бы ихъ проще и незатѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ «Сказкахъ» того, о чемъ здѣсь говорится, прочелъ ихъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можетъ быть, это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь опять необходима оговорка, чтобы не выворотили на нашемъ братѣ тулупъ на изнанку, изъ *Луки* сдѣлали *акуну*: сказочникъ никогда не ставилъ «Сказки» свои въ примѣръ слога и языка, не говорилъ и не говоритъ, что такъ именно должно писать по русски. Нѣтъ, онъ хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ—и право, не съ казоваго конца—образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ рано или поздно безъ нихъ не обойтись» ³⁾).

Дѣйствительно, читая Дальевы «Сказки» 1832 года, нельзя не видѣть, во первыхъ, что это не подлинныя народныя сказки, записанныя съ устъ народа, а собственное сочиненіе казака Луганскаго, едва-едва намекающее на народныя мотивы, и во вторыхъ, что авторъ ихъ обладалъ богатымъ знаніемъ словъ и оборотовъ народной рѣчи. Но что касается ея «склада» или слога, то очевидно, Даль имѣлъ въ этомъ отношеніи понятія очень одностороннія. Складъ рѣчи въ Дальевыхъ «Сказкахъ»—говоря его же словами—затѣйливъ, непростъ и даже кудрявъ. По большей части это особенная, раз-

¹⁾ Мельниковъ—въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1873 г., № 3, стр. 298.

²⁾ Даль говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

³⁾ *Москвитининъ* 1842 г., кн. II, стр. 540 и 550.

мѣренная или риёмованная проза, притомъ обильно приправленная поговорками, присловьями и прибаутками, проза, въ концѣ концовъ столь же искусственная, однообразная и утомительная, какъ высокопарный слогъ старинныхъ риторовъ. Замѣчательно также, что при всемъ стараніи точно соблюсти народность своей рѣчи Даль далеко не вполне выдерживаетъ этотъ приѣмъ: нерѣдко въ «Сказкахъ» рядомъ съ русскою формою словъ встрѣчаются славянизмы, и произошло это, по видимому, отъ того, что образцами служили автору сказки не только изъ живой устной передачи, но и изъ дубочныхъ изданій, уже усвоившихъ себѣ нѣкоторую долю книжности. Короче говоря, своими «Сказками» Даль показалъ, что онъ много наблюдалъ и изучалъ народную рѣчь, но свободно владѣть ею не умѣлъ.

Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ вниманія такого великаго мастера русскаго языка, какимъ былъ Пушкинъ, и его необходимо имѣть въ виду, читая разсказъ Даля о томъ, что говорилъ ему Пушкинъ по поводу «Сказокъ» казака Луганскаго: не о сочиненіи Даля повелъ онъ рѣчь, не о томъ, на сколько сказочникъ умѣетъ владѣть народнымъ языкомъ, а о самомъ этомъ языкѣ, о его богатствѣ и выразительности. Даль интересовалъ Пушкина какъ собиратель сокровищъ, «запасовъ» народнаго слова, и въ этомъ направленіи поэтъ горячо поддерживалъ его, какъ и свидѣтельствуемъ о томъ самъ Даль въ своей автобіографической запискѣ, доставленной имъ Я. К. Гроту ¹⁾.

Мы привели выше слова Даля, которыми онъ отстраняетъ отъ себя приписанное ему притязаніе дать въ «Сказкахъ» 1832 года образцы настоящаго слога для русской прозы, и думаемъ, что онъ не кривилъ душой въ этомъ случаѣ: по крайней мѣрѣ свои повѣсти и бытовые очерки онъ писалъ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, а тотъ особенный «складъ рѣчи», который употребленъ въ книжкѣ 1832 года, приберегалъ онъ исключительно для сказокъ ²⁾. Даль былъ упрямъ и не отступалъ отъ этой манеры даже въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ такого рода,—за то и критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, постоянно преслѣдовала его за эту искусственность,

¹⁾ «Воспоминаніе о В. И. Далѣ» Я. К. Грота—въ *Сборникъ II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ*, т. X, стр. 42.

²⁾ Слѣдуетъ однако замѣтить, что настоящія народныя сказки, вошедшія съ записей Даля въ сборникъ А. Н. Афанасьева, отличаются простотою рѣчи, безъ всякихъ кудрявыхъ прикрасъ.

хотя тотъ же Бѣлинскій очень цѣнилъ и хвалилъ бытовые очерки и рассказы казака Луганскаго—не только за содержаніе, но и за изложеніе. Что же касается Пушкина, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ вовсе не былъ расположенъ къ коренной и притомъ искусственной перестройкѣ русскаго литературнаго языка; еще въ 1825 году, говоря объ его историческомъ развитіи, онъ выразился слѣдующими словами: «Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго, но впоследствии они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей» ¹⁾). Онъ впрочемъ не отрицалъ, что языкъ нашей прозы еще не выработанъ; но постепенное, а не насильственное сближеніе книжной рѣчи съ народною всегда оставалось его твердымъ убѣжденіемъ; это же убѣжденіе, какъ основанное не на отвлеченномъ принципѣ, а на здоровомъ смыслѣ и живомъ художественномъ чувствѣ, унаслѣдовали отъ гениальнаго поэта лучшіе писатели послѣпушкинскаго періода: напомнимъ Тургенева ²⁾).

Послѣ всего сказаннаго считаемъ себя въ правѣ не согласиться съ мнѣніемъ Далева біографа Мельникова о томъ, что сказка «О рыбахъ и рыбкѣ» написана подъ вліяніемъ перваго пятка «Сказокъ» казака Луганскаго. Можно только предположить, что отъ Даля Пушкинъ получилъ матеріалъ для своей сказки. Но еще раньше знакомства съ Далемъ и съ его сборникомъ Пушкинъ сталъ перекла-

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 27.

²⁾ Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ силы и средства русскаго языка. Такой же отзывъ находимъ у Тургенева въ его обращеніи къ молодымъ писателямъ: „Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, преданное намъ нашими предшественниками, въ чель которыхъ баистааетъ... Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи творить чудеса!“ (Сочиненія Тургенева, изд. 1891 г., т. X, стр. 113). Авторъ «Записокъ Охотника» является достойнымъ ученикомъ автора „Онѣгина“ въ художественномъ умѣннѣ пользоваться народною рѣчью для литературнаго языка. Замѣчательно между прочимъ, что эстетическое чувство, столь тонкое у Бѣлинскаго, измѣнило ему въ оцѣнкѣ этого искусства Тургенева: въ письмѣ къ П. В. Анненкову, 1847 года, Бѣлинскій, по поводу первыхъ очерковъ изъ „Записокъ Охотника“, замѣчалъ, что авторъ ихъ «пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово *зеленя*, которое также бессмысленно, какъ *мяся* и *хлѣбна* вмѣсто мяса и хлѣба“ (П. В. Анненковъ и его друзья. I. С.-Пб. 1892, стр. 610). Позднѣйшая критика отвергла этотъ строгій приговоръ (ср. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, А. Н. Пытина, т. II, стр. 324).

дывать въ стихи народныя сказки, слышанныя имъ отъ своей няни; затѣмъ попалась ему въ руки книга Мериме съ псевдо-сербскими пѣснями и тоже дала матеріалъ для нѣсколькихъ переложеній, но рядомъ съ нею Пушкинъ пользовался сборникомъ и настоящихъ сербскихъ пѣсень Вука Караджича. Разнообразія въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. Сказка «О рыбацѣ и рыбкѣ» была однимъ изъ такихъ опытовъ, и безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ. Извѣстно, что Пушкинъ первоначально предполагалъ включить эту сказку въ составъ «Пѣсень западныхъ славянъ»¹⁾; она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употребилъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсень. Простота рѣчи, какъ и вымысла, въ этомъ превосходномъ произведеніи не встрѣчаетъ ничего подобнаго себѣ въ «Сказкахъ» казака Луганскаго. Итакъ, не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что подарокъ, сдѣланный Пушкинымъ Далю, заключалъ въ себѣ нѣкоторый косвенный урокъ ему или, по крайней мѣрѣ, наглядный примѣръ того, какъ слѣдуетъ пересказывать народныя сказки? Даль, къ сожалѣнію, не воспользовался этимъ урокомъ и не освободился отъ своихъ искусственныхъ приѣмовъ изложенія даже тогда, когда вздумалъ написать сказку «О Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ», содержаніе которой было сообщено ему Пушкинымъ²⁾.

Когда, черезъ годъ послѣ своихъ петербургскихъ бесѣдъ съ авторомъ «Русскихъ сказокъ», Пушкинъ встрѣтился съ нимъ во время побѣдки въ восточную Россію, то имѣлъ случай узнать и оцѣнить Даля съ новой стороны—на поприщѣ непосредственныхъ сношеній съ народомъ и собиранія живой народной старины. Какъ видно изъ разсказа Даля, онъ неразлучно провелъ съ Пушкинымъ тѣ пять дней, которые поэтъ прожилъ въ Оренбургѣ—съ 18-го по 23-е сентября³⁾. Собираясь писать «Исторію Пугачевского бунта», Пушкинъ желалъ прислушаться къ мѣстнымъ преданіямъ и народнымъ разсказамъ о Пугачевщинѣ. Онъ хорошо зналъ, что народныя преданія драгоцѣнны и незамѣнимы для историка, потому что даютъ его разсказу печать живой современности, но не забывалъ также,

1) Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 514, примѣчаніе.

2) Сочиненія Даля, изданіе 1861 г., ч. IV, стр. 311.

3) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326, 327.

что они требуютъ строгой повѣрки и осмотрительности ¹⁾; поэтому, собственно въ «Исторіи» онъ пользовался ими умѣренно: изъ преданій, сообщенныхъ Далемъ или при его посредствѣ, онъ внесъ въ нее только одно—о пушкѣ, поднятой на колокольню въ предмѣстьи Оренбурга, для обстрѣливанія города ²⁾. За то народныя воспоминанія о Пугачевской смутѣ, которыхъ Пушкинъ собралъ во время своей поѣздки немало, отразились очень ярко въ «Капитанской дочкѣ».

Съ особенною силою эти воспоминанія охватили поэта, когда онъ посѣтилъ Бердскую слободу и нашелъ здѣсь живыхъ свидѣтельница дикаго бунта. Объ одной изъ нихъ онъ писалъ тогда же своей женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-ти-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виноватъ, и про тебя не подумалъ» ³⁾. Разказы о былыхъ ужасахъ, услышанные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они совершались, могущественнымъ образомъ подѣйствовали на воображеніе Пушкина: въ «Исторіи» онъ приурочиваетъ къ Бердской слободѣ изображеніе внутренняго состоянія пугачевскихъ скопищъ, а въ повѣсти цѣлая глава, подъ названіемъ «Мятежная слобода», рисуетъ рядъ яркихъ картинъ этого быта; тутъ, между прочимъ, упоминается о золотыхъ палатахъ Пугачева, про которыя рассказывала Пушкину бердская казачка. Въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ повѣсти и въ ея текстѣ авторъ помѣстилъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ—быть можетъ, изъ числа тѣхъ, которыя пѣла ему та же бердская его знакомка ⁴⁾. Въ главѣ восьмой, гдѣ описанъ военный

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. VI, стр. 207.

²⁾ Тамъ же, стр. 20. Кромѣ того, въ 22-мъ примѣчаніи къ „Исторіи“ приведенъ отрывокъ изъ одной солдатской пѣсни записанной Пушкинымъ во время поѣздки на Уралъ.

³⁾ Тамъ же, т. VII, стр. 327.

⁴⁾ По разказу Даля, старуха пѣла пѣсни, относившіяся до Пугачевщины. Должно однако замѣтить, что въ народѣ сохранилось мало пѣсенъ касательно этого событія: въ 9-мъ выпускѣ сборника Кирѣевского помѣщено всего восемь пѣсенъ, имѣющихъ отношеніе къ Пугачевскому бунту и связаннымъ съ нимъ событіямъ, да еще одна пѣсня сообщена М. Л. Михайловымъ въ его «Уральскихъ очеркахъ» (*Морской Сборникъ* 1859 г., № 9). Изъ пѣсенъ, находящихся въ сборникѣ Кирѣевского, только двѣ записаны въ Оренбургскомъ краѣ, и въ томъ числѣ одна—Далемъ. Поэтому можно думать, что бердская старуха пѣла Пушкину вообще казацкія пѣсни, а не только изъ временъ Пугачевщины.

совѣтъ у Пугачева и слѣдовавшая за нимъ попойка, приводится «заунывная бурлацкая пѣсня», которую на прощанье передъ сномъ затянули пировавшие, и вслѣдъ затѣмъ рассказчикъ—герой повѣсти—прибавляетъ: «Не возможно рассказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ-то пѣтическимъ ужасомъ». Въ этихъ словахъ Гринева легко угадать собственное настроеніе поэта въ ту пору, когда народныя воспоминанія переносили его воображеніе ко временамъ и въ обстановку Пугачевской смуты.

Рассказъ Даля прекрасно передаетъ живость и силу впечатлѣній, пережитыхъ Пушкинымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило народное волненіе; отъ вниманія наблюдательнаго собесѣдника не ускользнуло и то, что эти впечатлѣнія претворялись уже въ душѣ Пушкина въ поэтическіе образы. Едва пріѣхавъ въ Оренбургъ, онъ писалъ своей женѣ: «Ужь чувствую, что дурь на меня находитъ — и въ коляскѣ сочиняю, что жъ будетъ въ постелѣ?» ¹⁾ Извѣстно, что сюжетъ «Капитанской дочки» взятъ Пушкинымъ изъ анекдота, который былъ ему рассказанъ въ Оренбургскомъ краѣ ²⁾. Въ бесѣдахъ съ Далемъ поэтъ совѣтовалъ ему приняться за романъ и сознался, что самъ занятъ такою же задачей, что у него начато цѣлыхъ три романа. Дѣйствительно, къ 1831 и 1832 годамъ относится рядъ его набросковъ повѣствовательнаго содержанія, а два года спустя послѣ этого разговора, онъ набросалъ программу «Русскаго Пелама», большаго романа, въ которомъ должна была развернуться картина русскаго общества двадцатыхъ годовъ. Но всѣ эти замыслы не было суждено Пушкину выполнить, какъ не осуществилъ онъ и другого своего намѣренія—написать исторію Петра Великаго.

Въ высшей степени любопытно въ рассказѣ Даля то, что Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ. Подготовительными работами для его исторіи Пушкинъ сталъ заниматься съ 1831 года и не покидалъ ихъ почти до самой смерти. Но едва ли можно утвердительно сказать, чтобы задуманный имъ историческій трудъ былъ непременно доведенъ до конца, еслибы даже судьба продлила дни автора. Вѣрно

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326. Пушкинъ любилъ писать, лежа въ постелѣ.

²⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 275.

лишь то, что Пушкинъ много размышлялъ о значеніи и характерѣ Петровскаго переворота, и что онъ старался постигнуть во всей полнотѣ личность великаго преобразователя; а еще вѣрнѣе, что рядомъ съ выясненіемъ исторической задачи въ немъ развивалась потребность художественной обработки того же предмета. Первые замѣчанія о личности и дѣлѣ Петра были набросаны Пушкинымъ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, и вскорѣ затѣмъ явились у него первыя попытки поэтически изобразить гениальную личность — въ главахъ не оконченнаго романа объ арапѣ Ганнибалѣ, въ извѣстныхъ «Стансахъ». Попытки эти продолжались и позже, въ періодъ архивныхъ разысканій; но чѣмъ болѣе расширялся кругъ историческихъ свѣдѣній Пушкина, тѣмъ менѣе удовлетворялся онъ своимъ прежнимъ представленіемъ о царѣ Петрѣ, въ которомъ живой человѣкъ, со всею его гениальностью и пороками, еще заслонялся условными чертами обычной апоэезы. Это смутное состояніе мысли Пушкина отразилось на словахъ о Петрѣ, сказанныхъ имъ Далю. Но прозрѣніе художника опережало въ немъ кропотливость изслѣдователя, и изъ той же бесѣды Даль сохранилъ драгоценное свидѣтельство, что у Пушкина возникла уже мысль о большомъ поэтическомъ произведеніи, въ которомъ Петръ явился бы въ цѣльномъ образѣ. Припоминая совершенно черновой характеръ всего того, что осталось отъ исторической работы Пушкина надъ Петромъ, только этимъ свидѣтельствомъ можно объяснить слѣдующія слова поэта въ его письмѣ къ женѣ, писанномъ въ маѣ 1834 года: «Ты спрашиваешь меня о «Петрѣ»? Идетъ по маленьку; скопляю матеріалы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ»¹⁾. Конечно, ближайшій смыслъ этихъ словъ имѣетъ въ виду только предпринятый Пушкинымъ историческій трудъ, но смыслъ болѣе глубокий, внутренній мѣтитъ, безъ сомнѣнія, на творческое созданіе. Какъ изъ разысканій о Пугачевщинѣ возникла не только «Исторія» бунта, но и «Капитанская дочка», такъ историческое изученіе «крутого и кроваваго переворота, произведеннаго мощнымъ самодержавіемъ Петра»²⁾, быть можетъ, вдохновило бы Пушкина на созда-

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 351.

²⁾ Слова Пушкина, сказанныя въ 1834 году (Сочиненія, т. V, стр. 250).

ніе поэтической картины той эпохи въ формѣ романа или драмы, съ личностью самого преобразователя на первомъ планѣ и съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ противорѣчій и борьбы, какія представляла русская жизнь Петрова времени.

П. В. Анненковъ, въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», замѣтилъ, что черновая подготовка матеріаловъ для творческаго созданія длилась у великаго поэта иногда очень долго, пока наконецъ счастливый порывъ вдохновенія не обращалъ ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Это глубокое сочетаніе размышленія и вдохновенія Анненковъ подмѣтилъ, изучая рукописи Пушкина. Изъ воспоминаній Дала видно, что онъ путемъ живого наблюденія пришелъ къ тому же заключенію. Тонкое замѣчаніе Дала свидѣтельствуетъ, что онъ не только пыталъ глубокое уваженіе къ Пушкину, но и прекрасно понималъ его геніальную природу; поэтому-то онъ и желалъ, чтобы обстоятельства жизни Пушкина были изучены подробно, и чтобы свѣдѣнія о нихъ были тщательно собраны прежде, чѣмъ они изглядятся изъ памяти людей, близкихъ къ поэту. Оттого къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о немъ Даль присоединилъ нѣсколько чужихъ рассказовъ—о суевѣрїи Пушкина, объ его попыткѣ выѣхать изъ деревни при первомъ извѣстїи о кончинѣ императора Александра. Любопытно также, что Даль въ своихъ воспоминаніяхъ обратилъ вниманіе на непрерывно совершавшееся развитіе Пушкина, на то, какъ поэтъ на четвертомъ десяткѣ своей жизни судилъ самъ о годахъ своей молодости. Существуетъ мнѣніе, что Пушкинъ не только сложился вполне въ Александровскую эпоху, но и впоследствии неизмѣнно оставался представителемъ того времени. Если вообще справедливо, что обстоятельства молодыхъ лѣтъ образуютъ основу характера въ каждомъ человѣкѣ, и если это, конечно, должно быть примѣнено и къ Пушкину, то съ другой стороны, совершенство его поэтическихъ созданій, написанныхъ въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, должно служить доказательствомъ, что пора полнаго разцвѣта и зрѣлости наступила для Пушкина именно въ эти позднѣйшіе годы. Такъ смотрѣлъ на себя и самъ великій художникъ, и потому тѣ слова осужденія, съ которыми онъ отнесся о своей молодости въ дружеской бесѣдѣ съ Далемъ за четыре года до своей смерти, должны обратиться на себя вниманіе его біографовъ.

Л. МАЙКОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Крыловъ.—Жуковскій.—Батюшковъ.

Пушкинъ.

Плетневъ.—Погодинъ.—Фетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣва.

1895.